

Ю.А. Плотников¹✉, Д.В. Черемисин¹, В.И. Молодин¹, Н. Батболд²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт археологии АН МНР
Улан-Батор, Монголия
E-mail: kimak@mail.ru

«Валетное» изваяние древнетюркской эпохи из Северо-Западной Монголии

В коллекции древнетюркской каменной скульптуры Центрального музея Баян-Ульгийского аймака МНР содержится изваяние, обнаруженное монгольскими археологами на территории Цэнгэл сомона в местности под названием Хух-Булаг в комплексе с типичным древнетюркским поминальным сооружением: квадратной оградкой из вертикально поставленных плоских плит с рядом камней-балбалов с восточной стороны. Данное изваяние обращает на себя внимание весьма редкой особенностью – двумя головами на разных концах одной плиты. По сути, изделие представляет собой два изваяния, расположенные «валетом» на обоих концах одного каменного блока. В 1999 г. оно было опубликовано Д. Баяром и Д. Эрдэнэбаатаром в монографии «Каменные изваяния Монгольского Алтая» в довольно приблизительной прорисовке. По мнению авторов, древние ваятели начали делать одно изваяние, но, оставив его, сделали с другой стороны. Внимательное рассмотрение изваяния убеждает в их правоте. Безусловно, голова, работа над которой была начата первой, в процессе изготовления не закончена. Причиной явилась безнадежная порча лицевой части в процессе обработки. Вторая попытка оказалась более удачной, результатом чего явилось изваяние канонического для VII–VIII вв. облика с сосудом в одной руке, оружием и каптаргаком на наборном поясе. Предыдущее «валетообразное» изваяние было обнаружено в соседнем Убсунурском аймаке Ю.С. Худяковым в 1987 г. В данном случае голова, высеченная первой, очевидных следов производственного брака не имеет, но поскольку голова «верхнего», полностью готового изваяния была отбита, причина обработки плиты с другого конца остается неясной. Возможно, между ними существовал хронологический разрыв. Впрочем, нельзя полностью исключить и какой-то семантический смысл, предопределявший создание именно «валетообразных» фигур.

Ключевые слова: Монголия, Алтай, древнетюркские каменные изваяния, каптаргак.

Y.A. Plotnikov¹✉, D.V. Cheremisin¹, V.I. Molodin¹, D. Batbold²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: kimak@mail.ru

The “Jack of Cards” Ancient Turkic Sculpture from North-Western Mongolia

Among the ancient Turkic sculptures presented in the Central Museum of Bayan-Ulga aymak of Mongolia, there is a particular sculpture discovered by Mongolian archeologists in Tsengel somon (Khooh-Bulag territory). It was part of a typical ancient Turkic memorial structure: a rectangular enclosure from flat vertical slabs and a line of balbal stones from the eastern side. This sculpture is notable due to a very particular feature: having two heads on the opposite ends of one slab. Essentially, it is two sculptures carved from one slab of stone, much like a jack of cards. In 1999, D. Bayar and D. Erdenebaatar have published a rather approximate sketch of this statue in “Stone Sculptures of Mongolian Altay”. According to the authors, the sculptors had begun carving one statue, abandoned it and carved a new image on the opposite end. A closer look at the statue confirms this assumption: the head, which was carved first remained unfinished. The most likely cause is the irreparable damage to the statue’s face at the early stages of carving. The second attempt proved to be more successful, resulting in a canonical 7th-8th centuries sculpture with a drinking vessel, a weapon, and a kaptargak on the belt. The only other similar sculpture was found in the neighboring Ubsunur aymak by Y.S. Khudyakov in 1987. In that case, the unfinished head at the abandoned end of the slab shows no signs of damage.

However, as the head of the fully-finished sculpture on the other end is missing, the exact reason for carving the slab from the other end is unclear. One possible explanation is a chronological gap between the sculptures carved from the different ends of the slab. At the same time, one cannot rule out the possibility of ancient Turkic "jacks of cards" serving some semantic purpose.

Keywords: *Mongolia, Altai, ancient Turkic stone sculpture, kaptargak.*

В экспозиции Центрального музея Баян-Ульгийского аймака МНР открыто к обозрению древнетюркское каменное изваяние весьма редкого облика – с двумя головами на разных концах одной плиты.

Изваяние было обнаружено в 1989 г. примерно в 6 км от центра Цэнгэл сомона после переправы через р. Харганатын-гол в местности под названием Хух-Булаг в комплексе с типичным древнетюркским поминальным сооружением: квадратной оградкой размерами 2,5 × 2,5 м из вертикально поставленных сланцевых плит, по 3-4 с каждой стороны, с забутовкой из камней внутри. С восточной стороны оградки по азимуту 84° на расстоянии 30 м установлены восемь камней-балбалов. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии изваяние установлено вертикально в центре оградки, будучи подперто по сторонам крупными камнями (рис. 1, 1), поэтому, надо думать, это не первоначальное место его размещения, т.к. обычно изваяния устанавливались с восточной стороны оградки и, как правило, вкапывались в землю. Тем не менее в таком положении оно пробыло довольно долго, поскольку голова его изрядно забелена местной орнитофауной.

В 1999 г. изваяние было опубликовано в монографии «Каменные изваяния Монгольского Алтая» (рис. 1, 2) в числе других 90 известных к тому времени изваяний Баян-Ульгийского аймака [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 136, 162, рис. 73]. Впоследствии оно было доставлено в г. Баян-Ульги, где пополнило богатую коллекцию древнетюркских изваяний аймачного музея, которая начиная с 2017 г. неоднократно осматривалась участниками Российско-монгольской экспедиции.

Изваяние из Цэнгэл сомона высечено из зеленовато-серого сланца, сильно подвергнутого выветриванию, местами верхний слой отслаивается. Монолит по всей длине пронизан продольными трещинами различной глубины, что, по-видимому, сыграло решающую роль в судьбе задуманной скульптуры. Высота изваяния 117 см, ширина 30–35 см, толщина 10–20 см (рис. 2, 3). По сути дела, данное изделие представляет собой два изваяния, расположенные «валетом» на обоих концах одного каменного блока. Как считают авторы первой публикации, «похоже, начали одно и, оставив его, сделали с другой стороны» [Там же, с. 136]. Внимательное рассмотрение изваяния убеждает в их полной правоте. Безусловно, голова, которую мы далее будем именовать «нижней», в процессе изготовления не закончена.

На начальном этапе работы из монолита были высечены широкие плечи и более узкая голова, причем

при выделке формы головы были оставлены рельефные заготовки для ушей (весьма распространенный прием в древнетюркском каменотесном промысле, отмеченный еще Л.А. Евтюховой [1952, с. 113]). Судя по тому, что они так и остались выпуклостями неправильной округлой формы, не имеющими никаких признаков дальнейшей обработки, чудовищные сколы в лицевой части, скорее всего, являются не следами разнужданного вандализма, а производственным браком при неудачной попытке моделирования физиогномических деталей на трещиноватом материале.

Как совершенно обоснованно писал Я.А. Шер, «техника изображения может зависеть от целого ряда разных, подчас случайных условий. Например, разная фактура камня предполагает применение различных технических приемов. Степень совершенства используемого инструмента безусловно отразится на технике изготовления. Несомненно, при разном уровне мастерства одни ваятели пользовались одной, другие – другой техникой. Наконец, при прочих равных условиях разная плата за труд может определить разную степень тщательности в работе, что также проявится в технике изображения» [1966, с. 24].

Вероятно, в конкретном случае материальные возможности заказчика не позволили ему ни обеспечить нужного качества материал для работы, ни нанять исполнителя достаточной квалификации. На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что после безнадёжной порчи плиты с одной стороны заготовку не забросили безвозвратно, но была предпринята попытка высечь изваяние с другого конца, на этот раз более удачная.

Обработка «верхнего» изваяния, по-видимому, проходила в той же традиционной последовательности. После оформления общих контуров фигуры – плеч и головы практически тех же очертаний, что и «внизу», с рельефными выпуклостями заготовок ушей – под левым плечом «нижнего» изваяния был выбран объем, позволивший сформировать рельеф под сумочку-каптаргак «верхнего» изваяния. Правое плечо «верхнего» изваяния, по всей видимости, представляет собой слегка подработанный край каменного блока.

Голова округлой в плане формы, точно такой же, как и «внизу», отделена от туловища углубленной линией, формирующей выступ округлого подбородка и, возможно, демонстрирующей вырез верхней распашной одежды, открывающей шею и часть груди. Головного убора нет. Сложно предположить, при каких обстоятельствах появился крупный скол в теменной части: совпадает ли он по времени с изготовлением

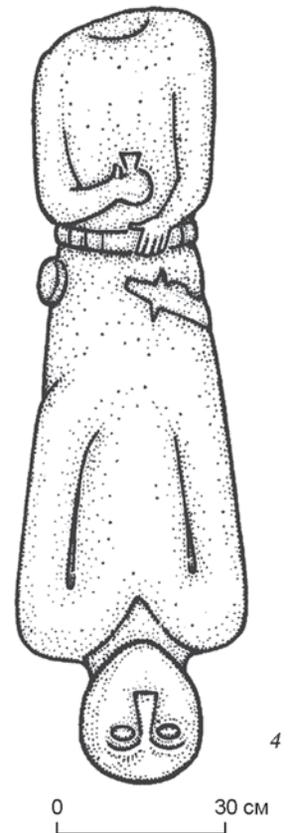
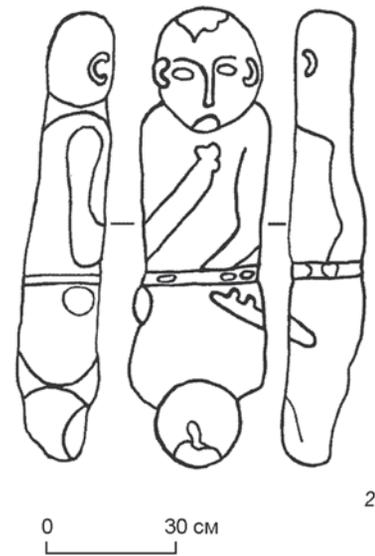

Рис. 1. Комплексы с «валетными» изваяниями Северо-Западной Монголии.

1 – оградка с изваянием в местности Хух-Булаг Цэнгэл сомона (прорисовка Ю.А. Плотникова); 2 – изваяние из Хух-Булага (по: [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, рис. 73]); 3 – Булган-Хангай, оградка с изваянием; 4 – изваяние из Булган-Хангая (по: [Худяков, Плотников, 1990, рис. 5, 1, 2, 6]).

Рис. 2. Изваяние из местности Хух-Булаг Цэнгэл сомона. Фото Д.В. Черемисина, 2024 г.

фигуры или является более поздним приобретением. По сторонам головы выпукло выделены уши типичной для древнетюркских изваяний С-видной формы, без серег. Детали лица выполнены в низком рельефе выборкой материала по контуру. Прямой нос, расширяющийся книзу, дан одной фигурой с дугообразными бровями. Под бровями показаны глаза миндалевидной формы. Через левый глаз идет глубокая извилистая трещина, продолжающаяся через шею, грудь и сосуд на груди. По-видимому, она существовала уже во время изготовления изваяния, из-за чего левый угол этого глаза получился несколько ниже правого. Заглубление материала по контуру вокруг носа и глаз создает эффект выпуклых скул. Под носом выпуклой дугой показаны короткие, чуть ниже углов рта, им-

позантные усы и губы в форме приостренного овала с прочерченной между ними тонкой горизонтальной линией рта. Надо сказать, что авторы первой публикации этих деталей не отметили, и все, что ниже носа у них охарактеризовано как «маленький опущенный вниз рот» [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 46, рис. 73].

Детали туловища также выполнены в низком рельефе выборкой материала по контуру. Применение именно этого технического приема лучше всего видно на левом боку изваяния, где выборка камня, с одной стороны под локтем, с другой – выше пояса сформировала отчетливую выпуклость между ними. Правая рука, с отслоением камня в локтевой зоне, согнута в локте под 45°, касается кончиками пальцев боковины сосуда, изображенного на груди. Сосуды удлиненной

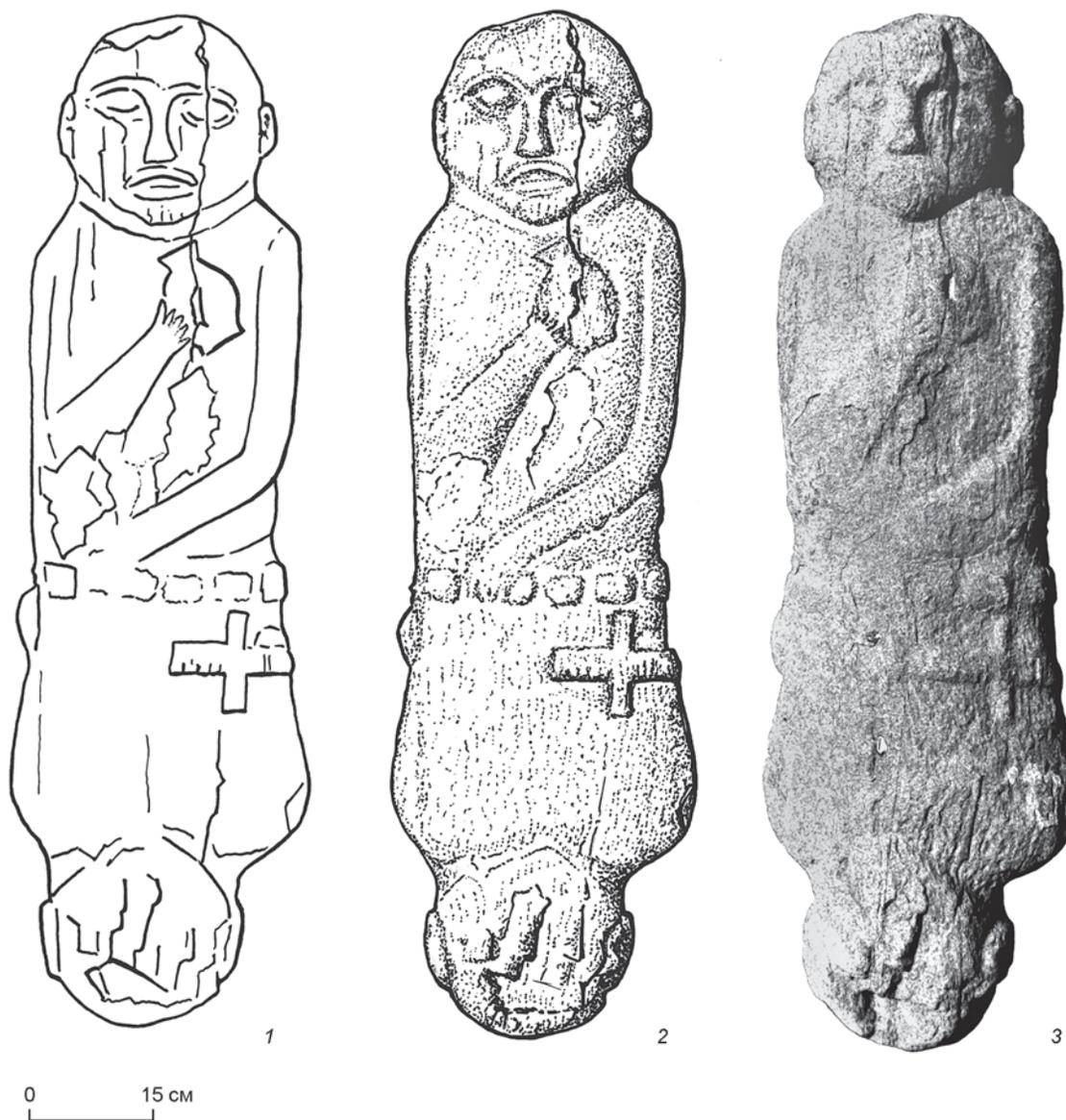

Рис. 3. Прорисовки изваяния из Хух-Булага.

1 – традиционная контурная; 2 – традиционная ретушированная; 3 – компьютерная обработка в программе Paint.NET.

формы с отогнутым венчиком и слегка расширенным плоским дном имеют реальные аналогии в весьма небогатом керамическом комплексе древних тюрков Алтая и Тувы [Кубарев Г.В., 2005, рис. 17]. Однако держать сосуд таким образом можно лишь при наличии у него ручки сбоку. Поэтому практически не вызывает сомнения, что местный ваятель в меру своих скромных способностей пытался передать широко распространенную в тюркском мире форму сосуда из драгоценных металлов с округлым туловом, отогнутым горлом, широким прямым поддоном и маленькой кольчатой ручкой сбоку (см.: [Киселев, 1951, табл. ЛII, рис. 4, 5; Кубарев В.Д., 1979, рис. 8; Кубарев Г.В., 2005, рис. 18, 2, 5]). Время бытования серебряных сосудов такого типа на территории Сая-

но-Алтая традиционно определяется VIII–X вв. [Савинов, 1984, табл. IV–V]. По мнению Г.В. Кубарева [2005, с. 70], некоторые из них могут быть отнесены и к VII в.

Левая рука, слегка согнутая в локте, должна была находиться на поясе, однако в результате отслоения материала кисть и ближайшие к ней бляшки пояса разрушены. Тем не менее удастся рассмотреть «негативы» отслоившихся бляшек. Еще одна зона отслоения наблюдается между правой и левой руками ниже сосуда на животе. Пояс с частично отслоившимися квадратными бляшками продолжается на обоих боках скульптуры. На правом бедре к поясу подвешена выпуклая сумочка-каптаргак округлой формы. Ниже пояса параллельно ему изображен клинок

в ножнах без изгиба с прямой рукоятью и брусковидным перекрестием. Рукоять, судя по всему, снабжена «хватками» для пальцев. Роль навершия выполняет пятка рукояти. Ниже перекрестия вплотную к нему различим полукруглый выступ обоймы для подвешивания оружия к поясу. Реальный клинок может подвешиваться к поясу в наклонном или горизонтальном положении только посредством двух обойм, тем не менее, вторая обойма на данном изваянии не изображена. Вновь приходится констатировать неточность прорисовки в первой публикации (см. рис. 1, 2), где нет перекрестия, но присутствуют две обоймы и значительно увеличен наклон оружия. Конец ножен находится на левом бедре.

По А.К. Амброзу, полукруглые выступы для подвешивания на ножнах мечей зафиксированы со второй половины VII в. [Амброз, 1986, с. 53], хотя, надо сказать, некоторые их разновидности прекрасно себя чувствуют и в IX в. В целом по характеру изображенных реалий изваяние из Хух-Булага может быть датировано в рамках VII–VIII вв.

Правоммерно отмечая довольно однообразную иконографию древнетюркской скульптуры здешних мест, авторы монографии о каменных изваяниях Монгольского Алтая называют «отдельные очень интересно выполненные изваяния, отличающиеся своеобразием и по иконографии, и по конструкции выполнения», к числу которых наряду с такими настоящими произведениями камнерезного искусства, как памятник «Даян батора» и изваяние из Хар Ямаатын гола [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 72–84; Кубарев, Цэвэндорж, 1995], причисляют и двухголовое изваяние из местности Хух-Булаг в Цэнгэл сомоне. «В связи с этим нужно сказать, что точно такое же изваяние было найдено раньше в Убсунурском аймаке, и в этой связи можно предположить, что изваяния с подобной конструкцией выполнения могут являться одним из местных особенностей Алтайских изваяний» [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 94].

Упомянутое выше изваяние из Убсунурского аймака было обнаружено в 1987 г. Ю.С. Худяковым на памятнике Булган-Хангай. «Одинокная оградка с изваянием ... расположена на открытой равнине к западу от дороги Кыргыз – Малчин в 19 км от Кыргыз-сомона. Оградка квадратной формы из плит, с каменной наброской в центре, площадью 5 × 5 м, высотой 0,15 м, ориентирована сторонами по странам света.

С восточной стороны оградки на поверхности лежит изваяние, изготовленное из светлого розоватого гранита. Высота монолита 1,4 м. Это изваяние двойное. Нижняя часть, которая была зарыта в землю, более широкая. С этой стороны моделированы голова, шея, плечи, руки. Голова округлая, лоб низкий, брови полукруглые, глаза узкие, нос широкий, подбородок овальный. Шея показана нешироким желобком. Плечи прямые, широкие. Руки намечены чуть ниже локтей, слегка согнуты. Вероятно, это изваяние было

изготовлено из монолита первым. Позднее тюрки использовали этот монолит вторично, сделав изваяние с его противоположной стороны. Голова у этого изваяния отбита. Моделированы руки и пояс. Правая рука согнута в локте. В ладони зажат кувшинчик с узким горлом. Левая рука слегка согнута в локте, ладонь на пояс. Пояс состоит из квадратных бляшек. На правом боку сумочка-каптаргак. На левом боку сабля в ножнах с двумя пластинчатými обоймами. Полоса изогнута, перекрестие прямое, ладьевидное, сужающееся к концам. Рукоять прямая. Навершием служит пятка рукояти» [Худяков, Плотников, 1990, с. 117, рис. 5, 1, 2, 6] (см. рис. 1, 3).

Утрата «верхней» головы на скульптуре из Булган-Хангай не дает возможности сравнить изваяние с обоими концами. Является ли «нижнее» изваяние таким же незавершенным, как в Хух-Булаге, или его «простота» является хронологическим показателем?

В свое время авторы цитированной публикации испытывали осторожный оптимизм в отношении перспектив определения хронологии древнетюркской скульптуры в связи с открытием «двойных» изваяний, подобных памятнику из Булган-Хангай: «Верхняя часть скульптуры, несомненно, сделана позже нижней, однако насколько существен хронологический разрыв во времени их создания, пока сказать трудно. Ясно только то, что более простые фигуры с минимумом реалий предшествовали каноническим изображениям с сосудом в одной руке, наборным поясом, саблей и каптаргаком» [Там же, с. 124].

Очевидных признаков откровенного брака «нижнее» изваяние из Булган-Хангай, на первый взгляд, не содержит. Могло ли по какой-то причине «нижнее» изваяние быть сочтено неудачным и оставлено? Например, забыли высечь заготовки для ушей, и заказчик принимать такую работу отказался? Или, быть может, планировался головной убор, задел для которого также оформляется на начальной стадии обработки вместе с общими контурами фигуры? И был ли вообще временной интервал между созданием «нижнего» и «верхнего» изваяний из Булган-Хангай? В Хух-Булаге, по всей видимости, он был минимален. Эти вопросы останутся без ответа, по крайней мере, до той поры, пока не будет обнаружена «верхняя» голова. В любом случае, все датирующие реалии изображены на «верхнем», лишившимся головы изваянии, и точно так же, как уже было отмечено для Хух-Булага, за пределы VII–VIII вв. не выходят. В целом оба «верхних» изваяния выглядят синхронными.

В этой связи в высшей степени любопытную параллель, хотя и предельно далекую хронологически и территориально, представляют оленные камни Северного Кавказа. В числе изученных Н.Л. Членовой [1984] памятников этого рода, датированных ею второй половиной – концом VII в. до н.э. и отнесенных к культуре киммерийцев, также имеются два «валетных» изваяния (из станицы Усть-Лабинской и Зубов-

ского хутора). В отличие от наших, данные памятники имеют с двух сторон одного монолита не только головы, но и полный набор причитающихся аксессуаров. Что характерно, в обоих случаях «верхняя» и «нижняя» части изваяний изготавливались в разное время. По наблюдениям исследовательницы, фигуры «нижней» части изваяния из ст. Усть-Лабинской [Там же, рис. 1, 2] были стертые и отчасти сдoblблены при выбивании фигур «верхней» половины камня. «Дело в том, что первоначально камень был врыт, очевидно, опи-санной (нижней) половиной вверх. Но затем лицевая его часть сильно выветрилась и выкрошилась (видна глубокая выбоина, занимающая бо́льшую часть этой половины камня), и камень пришел в негодность. Пришлось его выкопать и врыть другой половиной вверх, предварительно нанеся на нее новые изображения и сдoblбив разрушенную часть. Вот почему верхняя половина камня тоньше нижней» [Там же, с. 10]. То же самое замечено для изваяния из Зубовского хутора: «Верхняя часть камня (более новая), изготовлена путем подтески нижней части; она более узкая, чем камень в середине...» [Там же, с. 12].

«Нет фактов явной хронологической разницы между верхними и нижними концами усть-лабинского и зубовского (в тексте ошибочно кызбурунского. – *Авт.*) камней. И верхнему и нижнему концам свойственны одни и те же изображения. Это вполне согласуется с наблюдением относительно техники нанесения изображений... Вероятнее всего, хронологическая разница между нижними и верхними концами этих камней невелика и не улавливается археологическими методами», – заключает Н.Л. Членова [Там же, с. 61].

Весьма похожая ситуация, как представляется, имеет место и в нашем случае. Если хронологическая близость, практически синхронность, «верхних» изваяний из Хух-Булага и Булган-Хангая сомнения не вызывает, то вычислить временной промежуток между их «нижними» и «верхними» частями в настоящее время не представляется возможным. Думается, однако, он тоже не очень велик.

Так или иначе, через тридцать с лишним лет после открытия феномена «валетных» изваяний древнетюркского времени становится ясно, что ни массовым, ни широко распространенным территориально это явление не было. Высказанный когда-то зачинателями темы [Худяков, Плотников, 1990] хронологический оптимизм улетучивается безвозвратно. Что же касается «местных особенностей алтайских изваяний», вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с продукцией локальной «школы» камнерезного дела или вообще плодами деятельности одного местно известного ваятеля. Не исключено, что по такому признаку, как манера удержания сосуда «на кончиках пальцев», к этой же «школе» можно отнести также изваяния 19, 20, 63, 65, 67, 71, 72, 87 из Баян-Ульгийского аймака, а по форме вислых усов еще

и 40, 56 (см.: [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]). Впрочем, по не всегда точным прорисовкам без дополнительного исследования судить об этом преждевременно.

Вместе с тем думается, что оба изваяния из Северо-Западной Монголии могли иметь и какой-то особый семантический смысл, который предопределял создание именно «валетообразной» по облику фигуры. Что стоит за этим явлением, позволит понять углубленное изучение иконографии древнетюркских изваяний, которое постоянно ведется специалистами-тюркологами. Удачные примеры подобных исследований можно привести уже сегодня (см., напр.: [Кубарев Г.В., 2024]).

Список литературы

- Амброз А.К.** Кинжалы VI–VIII вв. с выступами на ножнах // СА. – 1986. – № 4. – С. 53–73.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.** Монгол Алтайн хүн чулуун хөшөө [Каменные изваяния Монгольского Алтая]. – Улан-Батор, 1999. – 165 с. (на монг. яз).
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – Т. 1. – С. 72–120. – (МИА; № 24).
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1. – С. 92–100.
- Кубарев Г.В.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Кубарев Г.В.** Каменные раннесредневековые изображения чужеземцев-иноплеменников на Алтае и в сопредельных регионах // VI Северный археологический конгресс: мат-лы докл. 9–11 октября 2024. – Сургут; Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. – С. 311–314.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 176 с.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.** Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111–125.
- Членова Н.Л.** Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

References

- Ambroz A.K.** Kinzhaly VI–VIII vv. s vystupami na nozhnakh. *Sovetskaya arkheologiya*, 1986. No. 4. P. 53–73. (In Russ.).

Bayar D., Erdenebaatar D. Mongol Altain khyn chuluun khesheo [Stone Sculptures of Mongolian Altai]. Ulan-Bator, 1999. 165 p. (In Mong.).

Chlenova N.L. Olennye kamni kak istoricheskii istochnik (na primere olennykh kamnei Severnogo Kavkaza). Novosibirsk: Nauka, 1984. 100 p. (In Russ.).

Evtyukhova L.A. Kamennye izvayaniya Yuzhnoi Sibiri i Mongolii. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Sibiri*. Moscow, 1952. Vol. 1. P. 72–120. (In Russ.).

Khudyakov Y.S., Plotnikov Y.A. Drevnetyurkskie kamennye izvayaniya v yuzhnoi chasti Ubsunurskoi kotloviny. In *Arkheologicheskie, etnograficheskie i antropologicheskie issledovaniya v Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 111–125. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow: AS USSR Publ., 1951. 643 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kamennye rannesrednevekovye izobrazheniya chuzhezemtsev-inoplemennikov na Altae i v sopredel'nykh regionakh. In *VI Severnyi arkhologicheskii kongress. Materialy dokladov. 9–11 oktyabrya 2024*. Surgut. Ekaterinburg: Institut istorii i arkhologii UrB RAS Publ., 2024. P. 311–314. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Novye svedeniya o drevnetyurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaya. In *Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 135–160. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tsehvehdorzh D. Novye kamennye izvayaniya Mongol'skogo Altaya. *Izvestiya laboratorii arkhologii*. Gorno-Altaysk, 1995. No. 1. P. 92–100. (In Russ.).

Savinov D.G. Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu ehpkhu. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1984. 176 p. (In Russ.).

Sher Y.A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 140 p. (In Russ.).

Плотников Ю.А. <https://orcid.org/0009-0002-9625-1324>

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Черемисин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>

Батболд Н. <https://orcid.org/0000-0002-8081-7613>

Дата сдачи рукописи: 22.10.2024 г.